

на стойку, крикнул:

– Аниска! (Н.С. Лесков. В тарантасе.)

Слово **полшкипер** в приведенном отрывке из рассказа «В тарантасе» (1862) употреблено в значении «полштоф», на что указывают строки: «– Давай полшкипера! – потребовал Гвоздииков. Целовальник снял полштоф [..].». Конечно, **полшкипер** – это явно жаргонное название меры жидкости. Но это значение позволяет по-новому посмотреть на хрестоматийный текст повести «Левша»: **полшкипер** – это не только помощник шкипера, но и символ пьянства в виде бутылки в полштофа.

Примечания

1. Первая цифра означает порядковый номер книги, вторая – номер главы.

© И.В. Козлов
Екатеринбург

«СВОБОДНОЕ ПОДРАЖАНИЕ КНИГЕ ИОВА» Ф.Н. ГЛИНКИ: ПОЭТИКА ЖАНРА

Поэма Ф.Н. Глинки «Свободное подражание книге Иова» – интереснейший пример взаимоотношения текстов разных культурно-исторических эпох, поэтическая переработка не только слова, но и духа одной из самых древних и таинственных книг Священного Писания.

Глинку, несомненно, увлекала научная сторона работы над Книгой Иова: в предисловии к поэме он называет некоторых «ученых мужей» (к примеру, Михаэлиса, Умбрейта), труды которых ему приходилось изучать во время создания поэмы. Также выясняется, что в распоряжении Глинки находились тексты Книги Иова не только на славянском, но и на других европейских языках (французском, немецком, польском, итальянском). Что касается истории Русско-Славянской Библии, то Глинка (за неимением современного ему перевода Ветхого Завета на русский язык) мог воспользоваться вариантом Елисаветинской Библии, первое издание которой вышло в 1751 году и до настоящего времени употребляется Русской Православной Церковью в богослужении. Однако, несмотря на серьезный, фундаментальный подход и пафос научной реконструкции, сам поэт назвал свое произведение «Свободным подражанием...». В чем смысл подобного жанрового обозначения?

В поэме особое значение приобретают, если так можно выразиться, элементы перевода, удельный вес которых в составе целого строго регламентирован. Прежде всего, это касается описаний природы. Обращаясь к ним, Глинка довольно точно воспроизводит отдельные образы из Книги Иова, что служит воссозданию специального восточного колори-

та. Так, Иов в болезни, проклиная ночь, в которую был зачат, предрекает: «...да не увидит она ресниц денницы (курсив мой. – И.К.)» (Иов 3: 9). У Глинки этот фрагмент передан следующим образом: «Заря! Ты, в роскоши своей, / Не весели ее ни златом, / Ни пурпуром своих бровей!» Кроме того, обращает на себя внимание примечание к авторскому курсиву: «Выражение подлинника».¹ Поэт делает подобные замечания, когда вкрапливает в текст «Свободного подражания» незнакомые слова или нетрадиционные для читателя-европейца образы, типичные именно для восточной поэзии. Так, к одному из особо экзотических сравнений (гл. 2) Глинка приводит весьма характерное примечание: «Поэтическое выражение Аравийских поэтов: они представляют облака верблюдами, пожирающими звезды...».² Попутно отметим также появление рифмы в отдельных фрагментах поэмы, написанной в основном белым стихом: рифма призвана выделить означенные места на фоне остального нерифмованного текста. Рифма появляется и в наиболее экспрессивных, кульминационных моментах поэмы (см., например, заключение речи Бога в 41-й главе: «Еще ли ты не убедился, / Что Я – вселенной Властелин, / Что Я везде все строю, знаю, / Сужу, миру, распоряжаю, / Держу и властвую – один?!»³).

Интересно, что Глинка опирается не только на текст Священной книги и современную ему традицию ориентальной поэзии, но и на опыт (как собственный, так и русских поэтов XVIII века) по переложению Псалмов. Красноречивый пример тому – реминисценция из «Оды, выбранной из Иова» М.В. Ломоносова, удачно вплетенная Глинкой в сцену появления Бога (ср.: «Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь град блистая / И гласом грома прерывая, / Словами небо колебал»⁴ у Ломоносова и «...Вдруг протяжный / Вой, свист, дождь, буря, вихрь и град / Кипят, теснятся и спешат, / Как гости к браку на зазывный, / Торжественный и светлый пир... / Рассотворился целый мир...»⁵ у Глинки).

Но основной тон в поэме все-таки задает свободный дух подражания. Произведение создавалось во время Олонецкой ссылки, поэтому в тексте его отчетливо звучат отголоски собственной судьбы поэта: темы страдания и наказания оказались созвучными душе Глинки, равно как и образ многострадального Иова: «...во все времена, у всех народов были сердца, ему сочувствовавшие, ибо человек всех стран и веков любит по временам предаваться высокой таинственной грусти, часто составляющей лучшую роскошь сердца».⁶ В «Предисловии к Свободному подражанию...» Глинка отмечает философский подтекст Книги Иова: борьба Добра (т.е. страдальца Иова) со Злом (т.е. с Сатаной). Величие человека проявляется в его способности терпеть лишения и в то же время не терять веры в истинность и красоту мира, созданного Богом. Эту красоту в тексте Глинки символизируют, как правило, картины природы.

В поэме природа вообще играет важную роль и иногда даже становится самостоятельным действующим лицом. Главный герой при этом может

на время исчезать, растворяясь в величии Божественного творения (характерно сравнение Иова с «кедром, надломленным грозой»). Природа же, наоборот, выступает на передний план: она скорбит, видя страдания Иова, и тем самым нередко приобретает антропоморфные черты (ср.: «... серебряные звезды / Блистали радостью очей»; «На яхонт неба облака / Взбегали...»; «И выступали дромадеры (т.е. облака. – И. К.), / Глотая звезды»⁷). Природа меняется у Глинки вместе с перипетиями сюжета: в начале поэмы она спокойна, перед появлением Бога разражается бурей и громом и, наконец, в эпилоге вновь представляет безмятежную идиллию. Такая изменчивость картин природы, естественно, не может не обуславливать резкие перепады читательского восприятия.

Монолог, который произносит в финале поэмы Бог, восстанавливает гармонию мира, нарушенную речами Иова. Человек, таким образом, бессилен сделать что-либо, похожее на великое творение Всевышнего: Он не мудр, он запутался в попытках объяснить самому себе; кто же он такой в этом мире. Природу, созданную Богом, человек может только использовать, проникая, например, в «корни скал», но сотворить подобное Божественному творению он просто-напросто бессилен. Интересно, что в Книге Иова человек сам признает, что он ничтожен в борьбе с Богом, у Глинки же именно Бог торжественно подтверждает собственное величие и бессилие человека. Основная моральная идея всей поэмы заключается в следующих финальных словах эпилога: «Темнит нас грех, но чистит огонь страданий, / И сладок плод от горьких испытаний!...»⁸

Итак, Глинка оригинален в поэтическом способе передачи древнего сюжета. Если в его поэме и можно найти элементы точного «перевода», стремящегося более адекватно воспроизвести смысл подлинника, то место их в составе целого, как правило, строго локализовано и жестко обусловлено выполняемой ими функцией. Поэт, как мы видели, достаточно свободно обращается с текстом Священного писания. Отдельные слова, целые фразы и смысловые комплексы Книги Иова послужили Глинке только отправной точкой для построения индивидуальной картины поэтического мира, воссоздания оригинальной авторской философии.

Примечания

1. Глинка Ф.Н. Сочинения. М., 1986. С.193.
2. Там же. С.191.
3. Там же. С.218.
4. Ломоносов М.В. Избранные произведения. М.; Л., 1965. С.216.
5. Глинка Ф.Н. Сочинения. С.206–207.
6. Глинка Ф.Н. Письма к другу. М., 1990. С.425.
7. Глинка Ф. Н. Сочинения. С. 191. Курсив в цитатах мой. – И.К.
8. Там же. С. 220.